

УДК 371.33

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОШИБКИ педагогов

Александр Александрович Мурашов,
*профессор Гродненского государственного университета
им. Янки Купалы, доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, Беларусь.
e-mail: alexm55@rambler.ru*

Типичные коммуникативные ошибки учителя. Пути преодоления коммуникативных неудач на уроке. Необходимость овладения коммуникативной компетенцией, определяющей суть и возможность педагогического успеха.

- педагогическая риторика • коммуникативные ошибки • сценическая речь
- диалог • характеристики речи

Коммуникативные ошибки, совершаемые учителями, — воплощение неуверенности, психологической деформированности, неверно избранной позиции по отношению к ученикам.

К примеру, учитель «включает прощачку» в классе, где этого менее всего ждут, и наоборот. Но, каковы бы ни были эти причины, результаты неизменны — сорванные уроки, испорченные нервы, откровенное нежелание ребят заниматься предметом,

столь жеоткровенная усталость учителя, сменяющаяся зловещими паническими нотками, а то и самобичеванием. Рецепты педагогического успеха у каждого мастера свои; ошибки, которых нужно избегать, — стандартные. Но, несмотря на их стандартность, учителя новых поколений повторяют их, надолго теряя то, что называют «контактом с классом».

Разумеется, исключить эти ошибки из своей практики — ещё не значит стать успешным учителем. Точно так же, выучив нотную грамоту, ещё не значит оказаться музыкантом. Исключение этих ошибок — конечно, недостаточное условие профессионального становления педагога. Но необходимое! Как нотная грамота для музыканта. Знание закона перспективы — для художника. Таблица умножения — для математика.

Начинать обращение к классу словом «я» — первая из таких ошибок. Она «отсекает» класс, перечёркивает коммуникативную готовность, а подсознательно — ставит учителю «диагноз» гомункула из реторты, который находится за стеклом самомнения и самооценки — надёжным, но, увы, непроницаемым стеклом. Ошибка окажется непреодолимой, если такое «эгоцентрическое» обращение продолжить, например, так: «*Я хотел бы рассказать вам...*» Понятно, что стремящиеся оказаться антиподами «я» и «вы» должны раствориться в инклюзивном «мы», и лучше начинать с простого, но психологически более грамотного: «*мы сегодня...*», а главное — сказать о себе «хотел бы...» может лишь тот, кому аудитория абсолютно безразлична, и она это чувствует.

Начинать оглашением рабочих моментов — ещё одна коммуникативная ошибка, которая вполне может стоить сорванного занятия. Начало должно быть проблемным, интригующим, зовущим к диалогу; возможно, в нём будет выделяться то, что в риторике называют «провокационным тезисом», т.е. спор с самим собой; но он возможен лишь в классе, хорошо знакомом учителю. Начало — захватывающий, фокусирующий внимание компонент. Я вовсе не призываю учителя приходить на урок в костюме английского пэра или средневекового алхимика — в зависимости от предполагаемой темы; таким «костюмом» должна оказаться наша речь, вводящая в яркую, интересную, обращённую к ученику (а как иначе?!), тему урока. Кстати, сообщая её, мы не имеем права водить мелом по доске: в этом случае любой диалог оказался бы

разрушен; тема должна быть записана (спроецирована на экран) до занятия; роль организационных моментов на хорошем уроке должна быть сведена к минимуму! Не нужно и спрашивать, кто отсутствует: листок с фамилиями дежурные заранее кладут на учительский стол.

Итак, ни одна лишняя фраза не должна «смазать» начала диалога: он обязан звучать ярко, вдохновенно и энергично, как хорошая увертюра. Моё общение с журналом «Народное образование» началось четверть века назад. Не забуду, как Н.И. Целищева, главный редактор, повторяла моё заглавие: «Открывая занавес урока». Это давно было, но суть начала учебного занятия осталась прежней: важно «открыть занавес» урока, сделав это эффектно, торжественно, жизнеутверждающе, как хороший актёр. От интонационного рисунка наших первых слов, от их мобилизующей силы зависит коммуникативная готовность класса.

Даже если на перемене мы оставались в классе, — со звонком нужно выйти и пропустить ребят на урок. А потом — появиться перед классом, неторопливо и по мере возможности эффектно: этот момент задаёт нужную тональность всему занятию!

Говорить, не выбрав адекватного соотношения, выражаясь словами исследователей риторики, «равенства — превосходства», — ещё одна ошибка, которую допускают учителя. С одной стороны, это акцентирование педагогической чопорности и гипертрофирование собственного всезнайства («*Нам предстоит обратиться к данному предмету, однако, боюсь, многие не вполне готовы*»), что влечёт испуганное отчуждение аудитории и безосновательно показывает паническое состояние учителя. С другой — попытка оказаться «своим парнем» («*Привет! Ну, чего? Начнём...*»), рано или поздно приводящая к пренебрежительным ухмылкам класса. Важно понимать, что вы собрались не на научный симпозиум и не «потрепаться».

Учительница математики, превращавшая уроки в бардовские концерты (она не могла взять в толк, как ребята, увлечённые гаджетами и квестами, прошли мимо целого пласта русскоязычной культуры), к концу четверти пришла в ужас от уровня математических познаний питомцев: она же хотела как лучше! Точно так же историк, поражающий старшеклассников семиотикой Древнего Рима и нюансами пассионарной теории, оказался для учеников эталоном исследователя, но их ответы на уроках, изначально не отличавшиеся информационным богатством, стали в ещё большей мере схематичными, примитивными и неуверенными. Иначе говоря, любая крайность в соотношении равенства («свой парень») и превосходства («симпозиум») приводит к негативным последствиям. Названные позиции важно сочетать, регулируя их соотношения.

Между прочим, у В.Ф. Тендрякова, где спорят завуч Надежда Алексеевна и молодой учитель Леднев, решивший ввести на урок стихи Омара Хайяма, далеко не всё однозначно. В контексте наших дней никто не объявит, что сейчас стихи Омара Хайяма — «с алкогольным духом», да не это главное. Важно — сдадут ли экзамен ребята, которые вместо школьной программы изучали то, что ближе их падкому до всего нового наставнику. Поднимутся ли на первую в жизни ступень, или нововведения молодого учителя окажутся препятствием. Кто против нововведений? Важно, чтобы ребята, ими взращенные, не оказались за дверями вуза из-за незнания того, что является базовыми ценностями, а не нашими сиюминутными предпочтениями, в которых отчётливо угадывается смущённая неуверенность неофита, ищущего тропу самому себе...

В первые годы перестройки, когда жанр ток-шоу только пробивал дорогу на отечественное телевидение, на экраны страны вышел диалог тогдашнего министра-реформатора и учителя-реформатора. Вторым был я, цеплявшийся за понятия «традиция», «дисциплина», «разумный консерватизм». Разумеется, теперь бы этого делать я не стал: методика «живого», а не схематизированного диалога на школьных занятиях доказала свою незаменимость. В жизнь ребят вошли ценности, ранее объявлявшиеся чуждыми и вредными. Изменился мир. Изменились мы все. Однако умение интегрировать традицию и новаторство, выработать коммуникативный код

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

свободной личности ученика является базовым в педагогическом искусстве. А основывается оно на умении объединить элементы равенства и элементы превосходства; объединение это невозможно вне того самого разумного консерватизма. Вне оптимального коммуникативного кода.

Дело в том, что и заискивающий, и пренебрежительный тон учителя в равной степени показатели неуверенности и атрибуты профессионального провала.

Говорить обыденно, монотонно, не делая пауз и не расставляя логических ударений, — ещё одна серьёзная ошибка педагога. Как хороший актёр, чьё следование образу не означает отказа от обращения к целому зрительному залу, так хороший учитель неизменно помнит: даже сказанное одному — будут слышать все. И должны, услышав, составить положительное представление о коммуникативном облике педагога. Когда же мы обращаемся к целому классу, наша речь тем более не имеет права быть вялой и безразличной, даже если мы говорим о забытом дома учебнике. Фраза учителя обязана быть упругой и звонкой, как реплика театрального актёра. После встречи с актёром будущий великий оратор Демосфен «убедился, сколько стройности и красоты придаёт речи “игра”, и понял, что сами по себе упражнения значат очень мало или даже вообще ничего не значат, если ты не думаешь о том, как лучше всего преподнести и передать слушателю содержание твоих слов»¹. Учитель обязан быть актёром, урок — театральной постановкой, ученики — актёрами и зрительным залом одновременно. Точно так же одновременно учитель — актёр, сценарист и режиссёр. Владение сценической речью, полётность, сила и частота звучания — неперемённые условия коммуникативного мастерства. К.С. Станиславский видит в актёрской речи «настоящую музыкальность, выдержанный, верный и разнообразный ритм,

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх: в 2 тт. Т. 2. — М.: Наука, 1994. — С. 325.

хороший, спокойно передаваемый внутренний рисунок мысли или чувства»². Эти качества — условия коммуникативного успеха в педагогической речи.

Разумеется, класс и зрительный зал не одно. Но есть немало признаний учителей, что их слова, сказанные в состоянии недомогания или усталости, — абсолютно те же, что и всегда, отшлифованные многократными повторами и доработками, — воспринимаются классом иначе, нежели произнесённые в состоянии коммуникационного оптимума. Не вполне знакомый учителю фрагмент урока, спорные ситуации и суждения, материал, вызывающий какие-либо затруднения, — всё это безотчётно воспринимается ребятами совсем иначе, нежели остальные, более органичные для педагога структуры его речи.

Мы не имеем права фальшивить. Но не имеем и права говорить обыденно и монотонно. Блестящий знаток предмета, оказавшийся в этом коммуникативном плену, никогда не достигнет положения успешного педагога-профессионала. Значит, будущему учителю важно освоить премудрости театральной декламации, чтобы иметь право, оставаясь в образе, одновременно говорить искренне и непринуждённо.

Учительница, которую позвали куда-то, открыв дверь из коридора, обращается к классу с той же торжественностью, с какой минуту назад говорила о Пушкине:

— *Класс без учителя, — делая паузу, обводит взглядом ребят. — Задание получено. За старшего — <называет>.*

Класс, даже без учителя, причём класс бойкий, шумный, — продолжает увлечённо работать.

Другая учительница, принципиально не видящая разницы между педагогическим монологом и кухонными посиделками, в том же классе пытается говорить о втором законе

Ньютона. Но именно пытается: каждый занимается своими делами, не обращая внимания на говорящую.

Когда у первой поинтересовались, в чём секрет её педагогического успеха, она ответила с некоторым пафосом: «В уважении к ученикам. Я не позволяю себе говорить сумбурно и монотонно». Не комментирую. Да и лучшим комментарием здесь служат слова её учеников, которые по прошествии многих лет однозначно вспоминают её как лучшего наставника. Вероятно, для успеха абсолютно у всех были и другие основания: глубокое знание предмета, объективность оценивания. Но важнейшая роль принадлежит её умению говорить с классом. Так, как обращается к залу театральная прима: уверенно, интригующе, чётко и — непременно искренне. Эти качества в совокупности и образуют категорический императив педагогической риторики — непринуждённость. А может, настало время вернуть учителю отобранное у него цивилизованными изломами самосознание театральной примы? Разумеется, этот вопрос обращён не к учителю, а к тем, в чьих руках находится возможность изменить к лучшему образование в огромных масштабах.

Говорить без позитивного, дружелюбного настроения, так, словно учитель находится в осаждённой крепости и ежеминутно готов к сражению, — самая серьёзная коммуникативная проблема, которой обычно страдают учителя, впервые оказавшиеся наедине с классом. Им присущи неуверенная и комичная суетливость, взбалмошность, желание постоянно одёргивать себя, «пилообразная» речь, пересыпанная резкими интонационными взлётами и падениями, неоправданными паузами и страшной боязнью не сказать единственно правильного и нужного слова.

Учительница, великолепно знающая предмет, смотрит на класс, преисполненная решимости и одновременно уверенности в том, что вот-вот начнутся ученические «приколы», которых она смертельно боится. В её взгляде — затравленная усталость, в манерах — торопливое

² Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве / К.С. Станиславский. — М.: Искусство, 1983. — С. 380.

желание как можно скорее закончить урок, материал которого (в этом она уверена!) не поймут многие. Послышался сдержанный смехок — она сделала паузу, выискивая «провинившегося», но решила продолжать, не обращая внимания. Так будет до конца урока. А на следующем, появившись в классе, она увидит на доске изображение скорбленной Бабы-Яги, подозрительно похожей на неё, и, растерявшись, долго не найдёт нужного слова...

Именно о таком учителе говорит В.М. Дорошевич: «...Он знал, что только страхом держит в узде эту армию маленьких негодяев, готовых поднять его на смех, сделать ему какую-нибудь мелкую каверзу. Он ждал этой гадости каждую секунду»³. В основе этого ожидания — коммуникативная установка: они — враги. С такой установкой продуктивный диалог учителя с классом попросту невозможен. Более того, личность самого педагога, изнемогающего под грузом обязанностей и сомнений в этом случае стремительно движется к выгоранию и распаду. Он занимается не своим делом!

Быть лицеприятными в речи. Ещё одна ошибка, объясняемая тем, что учитель — живой человек, со своими восторгами и своими «комплексами». Объясняемая, но не «объяснимая»! Лицепрятие — это «к доске пойдут Иванов и Марина». Этакий сбой коммуникативного единства. Делать этого нельзя — пусть даже Иванов не сделал домашнего задания, разбил окно в коридоре и вообще вот-вот переметнётся в стан моджахедов, а Марина — «спортсменка, комсомолка и просто красавица», к тому же сочиняющая стихи, составляющая гербарий и сво-

³ Дорошевич В.М. Учитель / В.М. Дорошевич. Рассказы и очерки. — М.: Современник, 1986. — С. 68.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

бодно говорящая на всех мыслимых языках. Так называемый фатический (контактоустанавливающий) компонент должен быть единым. Это следует из требования оценивать сказанное в отрыве от сказавшего; сделанное, а не автора и не исполнителя: заповедь риторики, в том числе педагогической.

Педагогика — это в первую очередь мастерство, рождённое доброжелательностью; это качество и должно быть основой всех слов, всех мыслей, всех поступков учителя. Честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность — составляющие риторического этоса, без которого непредставимы пафос и логос. Но мы говорим не об этических, а исключительно о коммуникативных сторонах деятельности учителя, о пафосе и логосе его речи, основой которых оказывается этическая составляющая.

Говорим и, уверен, исключим из своей речи те нелепые и досадные ошибки, которые говорить мешают.

Рецепты педагогического успеха у каждого профессионала свои. В основе их, однако, общее, а именно — преодоление ошибок, серьёзно усложняющих повседневную практику. Но повторяемость этих ошибок, их регулярная воспроизводимость в речи разных учителей свидетельствуют о необходимости роста коммуникативной компетенции, которая более всего определяет суть и возможность педагогического успеха. **НО**

Communication Mistakes Of Teachers

Alexandr A. Murashov, Professor, Department of journalism, Yanka Kupala Grodno state University, associate Professor, doctor of pedagogical Sciences, Belarus, e-mail: alexm55@rambler.ru

Abstract: Typical communication mistakes of the teacher. Ways to overcome communication failures in the classroom. The need to master communicative competence, which determines the essence and the possibility of pedagogical success.

Keywords: pedagogical rhetoric, communication errors, stage speech, dialogue, speech characteristics.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya / Plutarh: v 2 tt. — М.: Nauka, 1994.
2. Stanislavskij K.S. Moya zhizn' v iskusstve / K.S. Stanislavskij. — М.: Iskustvo, 1983.
3. Doroshevich V.M. Uchitel' / V.M. Doroshevich. Rasskazy i ocherki. — М.: Sovremennik, 1986.